

МЫСЛИ О НАШЕМЪ МЫШЛЕНІИ ¹⁾.

(Окончаніе).

II.

Ври такихъ дефектахъ нашего мышленія, легко уклоняющагося въ сторону отъ прямого, логическаго пути въ угоду всякаго рода привходящимъ соображеніямъ, всякіе сколько-нибудь важные и, слѣдовательно, болѣе сложные вопросы государственной обороны обязательно будутъ рѣшаться несоотвѣтственнымъ образомъ. Изъ числа такихъ вопросовъ едва ли не хуже всего разрѣшенъ у насъ вопросъ о генеральномъ штабѣ, правильная организація котораго является въ наше время важнѣйшимъ условіемъ надлежащей постановки всего военнаго дѣла въ странѣ. Какъ я доказываю въ своей книгѣ «Генеральный штабъ и его спеціальность», значеніе его, вытекающее изъ самой сущности современнаго военнаго дѣла, заключается въ изученіи противника, понимая подъ послѣднимъ не только непріятельскую армію, а всю совокупность факторовъ, препятствующихъ достиженію цѣли войны, цѣли каждой отдѣльной операціи, цѣли каждаго боя. Это изученіе, надлежащимъ образомъ веденное, даетъ выводы относительно ближайшей цѣли дѣйствій, силы и сосредоточенія собственной арміи, соотвѣтственной подготовки и оборудованія театра войны и, нако-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1912 г. № 11.

нецъ, относительно организаціи, вооруженія, снабженія, словомъ, всесторонней подготовки къ войнѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ страны. Такая чисто научнаго характера задача можетъ успѣшно разрѣшаться только при томъ условіи, если генеральный штабъ будетъ комплектоваться офицерами, отличающимися сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мышленія и получившими вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственную научную подготовку; безъ этихъ условій генеральный штабъ ѣкогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть — «мозгомъ арміи». Къ сожалѣнію, у насъ это представленіе о назначеніи и задачахъ генеральнаго штаба до сихъ поръ не получило права гражданства и не легло въ основу его организаціи и службы; да и вообще у насъ нѣтъ никакого сколько-нибудь яснаго представленія о спеціальности генеральнаго штаба, вслѣдствіе чего во всѣхъ вопросахъ, гдѣ требуется правильное, научно обоснованное рѣшеніе въ сферѣ его компетенціи, мы оказываемся на рѣдкость несостоятельными.

Присмотритесь, напримѣръ, хотя бы къ тѣмъ упражненіямъ, на которыхъ офицеры генеральнаго штаба практикуются въ своей спеціальности, къ ихъ военнымъ играмъ и полевымъ поѣздкамъ: на нихъ постоянно приходится встрѣчаться съ рѣшеніями, болѣе чѣмъ неудовлетворительными. Мнѣ помнится, напримѣръ, случай на военной игрѣ, въ которой начальниками сторонъ были корпусные командиры, когда съ главнаго театра войны, гдѣ силы противниковъ были приблизительно равны, одна изъ сторонъ не задумалась увести всѣ свои войска за нѣсколько сотъ верстъ, на второстепенный театръ, чтобы раздавить тамъ второстепеннаго противника и этимъ сносомъ помѣшать ему явиться на главный театръ. И такое явно абсурдное рѣшеніе не нашло себѣ ни слова осужденія со стороны руководства! Въ замѣчаніяхъ начальниковъ генеральнаго штаба по поводу поѣздокъ или игръ, производившихся въ ихъ присутствіи или подъ ихъ руководствомъ, изъ года въ годъ отмѣчаются сплошь и рядомъ самыя грубыя, самыя элементарныя ошибки, допустимыя еще у юныхъ офицеровъ, мало искусившихся въ тактической премудрости, но совершенно неприличныя въ работахъ старыхъ полковниковъ и генераловъ генеральнаго штаба, которымъ самимъ приходится руководить подобными занятіями со строевыми офицерами. Даже такое элементарное дѣло, какъ редакція всякаго рода расноряженій, на этихъ играхъ и поѣздкахъ сплошь и рядомъ оставляетъ желать очень многого: обыкновенно изложеніе ихъ отличается неточностью или неясностью, допускающимъ разное толкованіе, многословіемъ, часто небрежностью и

даже прямо неряшливостью—внѣшними выраженіями все тѣхъ же дефектовъ мышленія, неумѣнья разбираться въ предложенныхъ на рѣшеніе вопросахъ, устанавливать факты и дѣлать изъ нихъ правильныя заключенія.

Неразвитостью научнаго мышленія объясняется и тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что среди офицеровъ генеральнаго штаба, даже въ высшихъ чинахъ, встрѣчаются еще лица, которые полагаютъ возможнымъ при помощи военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ разрѣшать тѣ или иные вопросы нашей военной подготовки—выяснять значеніе театровъ войны, рубежей, позицій и т. п. Въ сущности же въ этихъ случаяхъ сказывается только сознаніе своего безсилія справиться самостоятельно съ задачами этого рода и неисправимое наше пристрастіе къ коллегіальнымъ рѣшеніямъ, не справляясь ни со свойствами вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, ни съ компетентностью лицъ, вошедшихъ въ составъ коллегіи.

Да и самый характеръ полевыхъ поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба претерпѣлъ за послѣдніе годы знаменательную эволюцію: стали находить болѣе полезнымъ дѣлать ихъ двухсторонними, задаваясь цѣлью при помощи привлеченія къ нимъ всякаго рода средствъ связи приблизить ихъ къ двухстороннимъ маневрамъ войскъ. Такое стремленіе тоже объясняется неяснымъ пониманіемъ истиннаго назначенія генеральнаго штаба и, какъ слѣдствіе этого, неяснымъ пониманіемъ характера тѣхъ упражненій, которыя нужны, съ одной стороны—офицерамъ генеральнаго штаба, съ другой—начальникамъ крупныхъ частей войскъ. Какъ извѣстно, отъ начальника всякой войсковой части ждутъ правильной оцѣнки обстановки, правильныхъ, соотвѣтственныхъ обстановкѣ, рѣшеній и правильныхъ, соотвѣтствующихъ этому рѣшенію, распоряженій; о немъ судятъ по результату—побѣдѣ или пораженію, явившемуся слѣдствіемъ его распоряженій. Офицеръ же генеральнаго штаба не командуетъ никакою частью войскъ и, слѣдовательно, не его дѣло принимать рѣшенія, отдавать распоряженія и приводить ихъ въ исполненіе: его обязанность заключается въ томъ, чтобы помочь начальнику разобраться въ обстановкѣ, собственно въ той части ея, которая называется противникомъ и является величиной неизвѣстной, тщательно скрываемой. Какъ видно изъ этого, разниця въ функціяхъ начальниковъ частей и офицеровъ генеральнаго штаба весьма существенная, а потому и упражненія мирнаго времени для тѣхъ и для другихъ должны быть различны: для начальниковъ они должны давать практику въ принятіи рѣшеній и

отдачѣ распоряженій, для офицеровъ генеральнаго штаба—въ изученіи и выясненіи обстановки, вѣрнѣе, противника. Обѣ эти цѣли болѣе или менѣе полно достигаются на маневрахъ. Но въ то время, какъ для начальника, рекогносцировки и вообще изученіе противника играютъ служебную роль, доставляя лишь матеріалъ для принятія рѣшеній и отдачи приказаній, для офицера генеральнаго штаба, наоборотъ, упражненія въ изученіи противника выступаютъ на первый планъ, а маневру отводится служебная роль—вызывать необходимость рекогносцировокъ и придавать имъ смыслъ и значеніе. Отсюда ясно, что если двухстороннія полевые поѣздки, какъ упражненія высшихъ войсковыхъ начальниковъ въ полевой ихъ работѣ, и могутъ почти вполне замѣнить маневры, то въ смыслѣ практики офицеровъ генеральнаго штаба въ ихъ спеціальному дѣлѣ они всегда будутъ имѣть тотъ существенный недостатокъ, что въ нихъ отпадаютъ наиболѣе важныя и существенныя рекогносцировки—рекогносцировки непріятельскихъ войскъ.

Избирая для упражненія офицеровъ генеральнаго штаба двухстороннія полевые поѣздки, мы соблазнились, повидимому, возможностью при помощи болѣе дешеваго, чѣмъ маневры, средства упражнять ихъ въ работѣ высшихъ начальниковъ и начальниковъ штабовъ; это намъ кажется достаточнымъ, чтобы выработать изъ нихъ дѣльныхъ начальниковъ, не упражняя ихъ въ ихъ спеціальной работѣ. Тщетная надежда! Въ современной арміи, не имѣющей хоршаго генеральнаго штаба, не будетъ и хорошаго высшаго команднаго состава. Но обѣ этомъ послѣ.

Есть еще одна особенность двухстороннихъ полевыхъ поѣздокъ, которая заставляетъ насъ отдавать имъ предпочтеніе передъ односторонними. Въ односторонней полевой поѣздкѣ отъ руководителя требуется сильное напряженіе ума, чтобы составлять для участниковъ поѣздки задачи, наиболѣе поучительныя съ точки зрѣнія спеціальной работы генеральнаго штаба, и чтобы рѣшать эти же самыя задачи за противника. Въ двухстороннихъ поѣздкахъ весь этотъ трудъ отпадаетъ, и работа руководства сводится къ чисто механической отмѣткѣ событій и къ сообщенію сторонамъ данныхъ о противникѣ, которыя имъ могли быть въ дѣйствительности извѣстны. Руководить такого рода поѣздкою гораздо легче, такъ какъ въ сущности тутъ и руководства никакого нѣтъ. Но зато, какъ сказано, и поучительность ихъ, съ точки зрѣнія упражненія офицеровъ генеральнаго штаба въ ихъ спеціальности, крайне ограничена. Мы старательно отрешиваемся отъ умственной работы—плохой признакъ для генеральнаго штаба!

Разъ у насъ нѣтъ настоящаго генеральнаго штаба, у насъ не можетъ быть и хорошаго, стоящаго на высотѣ современныхъ требованій кадра высшихъ строевыхъ начальниковъ, такъ какъ по самой сущности современнаго военнаго дѣла необходимымъ условіемъ созданія послѣдняго является надлежащимъ образомъ подобранный, правильно организованный и соотвѣтственно подготовленный генеральный штабъ. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ и въ то же время мало освѣщенъ у насъ, и потому на немъ стоитъ остановиться.

Наполеонъ очень мѣтко резюмировалъ въ двухъ словахъ требованія, которымъ долженъ удовлетворять полководецъ: онъ долженъ обладать большимъ умомъ и сильной волей, причемъ эти качества должны быть у него въ равновѣсіи. И въ современной Франціи тоже хотѣли бы имѣть «контингентъ энергичныхъ, здоровыхъ, тактически развитыхъ высшихъ начальниковъ» и признаютъ это вполне достижимымъ, если на подготовительные къ высшимъ должностямъ штабъ-офицерскіе курсы будутъ избираться люди, у которыхъ имѣются «сильный характеръ прежде всего, большое здоровье затѣмъ и глубокое знаніе войскъ, соединенное съ вѣрнымъ тактическимъ глазомъ»²⁾. Очевидно, и здѣсь считаютъ возможнымъ отобрать для высшихъ должностей людей, отличающихся сильнымъ характеромъ и сильнымъ умомъ, при наличіи котораго только и возможны «тактически развитые» высшіе начальники «съ вѣрнымъ тактическимъ глазомъ».

У насъ же съ легкой руки Драгомирова на этотъ вопросъ смотрятъ нѣсколько иначе. У Драгомирова въ концѣ пятидесятихъ годовъ выработалось «убѣжденіе, которое онъ впоследствии выразилъ словами: въ военномъ дѣлѣ, скорѣе волевымъ, чѣмъ умовымъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ съ его нравственной энергіей» (Извѣстія Имп. Ник. воен. ак., январь 1912 г.: «Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ». М. Д. Бончъ-Бруевичъ). Это свое убѣжденіе въ преобладающемъ значеніи для военнаго дѣла нравственной энергіи, волевой стороны человѣка, Драгомировъ со свойственной ему силой и убѣдительностью проводилъ въ жизнь и съ академической кафедрой, и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ практической дѣятельности строевого начальника. И проповѣдь его не осталась безплодной: этотъ взглядъ сталъ у насъ въ настоящее время господствующимъ. Вотъ, напримѣръ, г. А. Дмитревскій полагаетъ, что «главная задача воинскаго воспитанія есть не физическое и умственное раз-

²⁾ В. Б. «Дорогу строевымъ», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 240.

витіе война, а развитіе нравственнаго элемента, духа»³⁾. Еще опредѣленнѣе и уже прямо по отношенію къ высшимъ строевымъ начальникамъ высказывается г. Д. Баланинъ въ статьѣ «Подготовка и выборъ начальниковъ» въ № 1 «Военнаго Сборника» за 1911 годъ. На поставленный себѣ вопросъ, что лучше въ начальникѣ—перевѣсъ ума или воли, онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ, «что для истинно военнаго человѣка нѣкоторый перевѣсъ воли важнѣе, чѣмъ ума», и мотивируетъ это тѣмъ, что «большой умъ способствуетъ развитію разсудительности, осторожности, медлительности, что ведетъ иногда къ колебаніямъ и нерѣшительности». Помпѣнію г. Д. Баланина, «слѣдуетъ выбирать предпочтительно то, что болѣе подходит къ нашему дѣлу, а потому... главное вниманіе надо обратить на выработку твердыхъ, самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять разумную инициативу и безавѣтную рѣшительность...» Взглядъ совершенно опредѣленный, хотя невольная обмолвка о «разумной» инициативѣ являетъ собою существенную уступку въ пользу Наполеоновскаго требованія равновѣсія ума и характера и говорить о смутномъ сознаніи, что на одномъ характерѣ далеко не уѣдешь. Примѣрами людей съ характеромъ, но по той или другой причинѣ мыслящихъ вкривь и вкось, наша русская жизнь достаточно богата; ихъ въ просторѣчьи зовутъ самодурами, и они нерѣдки и въ военной средѣ, проявляя свое самодурство тѣмъ беззащитнѣе, чѣмъ выше занимаемое ими служебное положеніе. Вредные плоды ихъ дѣятельности для всѣхъ очевидны, но мы прѣдлагаемъ исповѣдывать провозглашенную Драгомировымъ вѣру въ единственно спасительное для высшихъ войсковыхъ начальниковъ значеніе воли и характера, отставляя требованіе ума на второй планъ.

Статья г. Д. Баланина, развивающая эту мысль, нашла себѣ кое-гдѣ въ печати одобрительные отзывы; но и тѣ идеи, которыя нынѣ стараются положить въ основу комплектованія высшаго команднаго состава нашей арміи, въ сущности исходятъ изъ того же взгляда. Основнымъ условіемъ назначенія на высшія должности вообще и командныя въ особенности у насъ въ послѣднее время стали признавать болѣе или менѣе продолжительное командованіе строевыми частями, особенно полкомъ. Какъ извѣстно, служба въ строю сильно вліяетъ вообще на образованіе именно характера человѣка. Правильно поставленная жизнь и служба въ полковой средѣ объединяють офицеровъ въ общемъ дѣлѣ, которое ведется

³⁾ А. Дмитревскій. «Личный магнетизмъ, гипнозъ и внушеніе въ войсковой жизнедѣятельности». «Русскій Пивальдъ» 1912 г. № 84.

на обязательныхъ для всѣхъ твердо установленныхъ началахъ и въ опредѣленномъ направленіи; онѣ создаютъ ту атмосферу отношеній между членами полковой семьи, которая могущественнымъ образомъ способствуетъ выработкѣ въ офицерахъ желательныхъ для интересовъ службы сторонъ ихъ характера. Благодаря именно воздѣйствію товарищеской среды, напримѣръ, «въ громадномъ большинствѣ германскихъ и австрійскихъ офицеровъ вырабатывается твердый, рѣшительный характеръ, укрѣпляется преданность долгу службы, чести и порядку, духъ соревнованія и самоотверженія, безусловная исполнительность, готовность всегда быть полезнымъ общему дѣлу, стремительная энергія и товарищество, какъ основы всей службы». («Офицерская Жизнь» 1912 годъ, № 19—20: «Военная карьера у насъ и за границей»). Командиръ полка, будучи крупнымъ факторомъ воздѣйствія на офицеровъ, съ другой стороны, и самъ не можетъ избѣгнуть вліянія на него полковой среды въ томъ же направленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе полкомъ близко знакомитъ начальника съ офицерами и нижними чинами, съ ихъ нуждами въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, со способами и средствами удовлетворенія ихъ и надѣляетъ всякаго рода практическими знаніями и сноровками въ хозяйственныхъ дѣлахъ части. Оно вырабатываетъ умѣнье приказывать и распоряжаться людьми, умѣнье вліять на нихъ и заставлять дѣлать все, чего требуютъ интересы службы, вплоть до пожертвованія жизнью. Привычка повелѣвать, выработанная постояннымъ примѣненіемъ предоставленной закономъ власти, укрѣпляетъ вѣру въ себя, рѣшительность, готовность отвѣчать за свои распоряженія и тѣмъ способствуетъ развитію въ начальникѣ воли, если онъ одаренъ ею отъ природы, и отчасти замѣняетъ ее, если онъ слабохарактеренъ и неспособенъ лично вліять на другихъ.

Всѣ эти знанія и качества несомнѣнно полезны и для начальника крупной войсковой части, почему и справедливо требовать отъ кандидата на высшую строевую должность наличія ихъ, доказаннаго благополучнымъ командованіемъ полкомъ. Но признавать, какъ то дѣлается нынѣ, успѣшное командованіе полкомъ достаточнымъ свидѣтельствомъ пригодности офицера для занятія въ арміи высшей должности вообще и командной въ особенности составляетъ несомнѣнно существенную ошибку, въ корнѣ которой лежитъ, основанное на Драгомировской мысли, невѣрное пониманіе требованій, которымъ долженъ удовлетворять въ наше время начальникъ крупной войсковой части. Правда, помимо строевого ценза, отъ кандидата требуется еще, чтобы ему была дана его на-

частью блестящая аттестація, испещренная выразительными характеристиками: нравственности безупречной, умственныхъ способностей прекрасныхъ, къ законности приверженъ, казенный интересъ соблюдаетъ, спиртныхъ напитковъ не употребляетъ, образцовый семьянинъ и т. п. и обязательно заканчивающаяся словечками «выдающийся» и «внѣ очереди». Но такъ какъ какихъ-либо объективныхъ условій для пріобрѣтенія такой аттестаціи не существуетъ, такъ какъ неизвѣстно, какія впечатлѣнія долженъ воспринять начальникъ отъ подчиненнаго, чтобы дать ему благопріятную аттестацію, такъ какъ вслѣдствіе этого характеръ ея зависитъ въ сущности не столько отъ аттестуемаго, сколько отъ аттестующаго, то очевидно, что аттестація, обрисовывая подчиненнаго сквозь призму начальственнаго пониманія дѣла, мало даетъ данныхъ для сужденія о дѣйствительной пригодности его для командованія высшею строевою единицею. И такимъ образомъ единственнымъ требованіемъ для зачисленія въ кандидаты на высшую командную должность въ арміи остается отбытіе извѣстнаго строевого ценза, доказывающее наличіе въ кандидатѣ волевыхъ данныхъ и нѣкоторой суммы практическихъ знаній и сноровокъ.

Съ точки зрѣнія темы настоящей статьи интереснымъ является тотъ фактъ, что подборъ высшихъ строевыхъ начальниковъ на этомъ основаніи встрѣчаетъ безусловное одобреніе со всѣхъ сторонъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось встрѣчать въ печати сомнѣній въ его цѣлесообразности. Изъ этого слѣдуетъ, что уклоненіе отъ Наполеоновскаго требованія равновѣсія ума и характера у полководца въ сторону признанія преобладающаго значенія послѣдняго у насъ какъ бы санкціонировано общественнымъ мнѣніемъ. А между тѣмъ это основаніе подбора высшаго команднаго состава совершенно недостаточно и даже, пожалуй, въ корнѣ своемъ ошибочно.

Въ самомъ дѣлѣ, «большая часть войсковыхъ начальниковъ въ современномъ бою можетъ быть уподоблена шахматному игроку, который, сидя въ помѣщеніи, связанномъ телеграфомъ и телефономъ съ боевыми участками, управляетъ боемъ, слѣдя по картѣ и намѣчая по ней измѣненія, происходящія въ боевомъ порядкѣ» ⁴⁾). Для этой работы ему не нужна его воля ни для преодоленія въ себѣ чувства самосохраненія, ни для непосредственнаго воздѣйствія на подчиненныхъ; воля его играетъ роль лишь въ принятіи извѣстнаго рѣшенія и неуклонномъ приведеніи его въ исполненіе. Практиче-

⁴⁾ М. К. Поповъ. «Служба связи въ войскахъ на войнѣ и на маневрахъ», стр. 1.

скія же знанія, умѣнье распоряжаться людьми и лично вліять на нихъ, все то, что даетъ практика командованія малыми частями, до полка включительно, почти бесполезны для командующаго арміей, командира корпуса, начальника дивизіи. При командованіи малыми частями начальнику приходилось имѣть дѣло, можно сказать, прямо со всѣмъ личнымъ составомъ части и воздѣйствовать на него непосредственно авторитетомъ своей власти, своимъ словомъ, своимъ примѣромъ. Для начальниковъ же болѣе крупныхъ войсковыхъ частей отдѣльные люди, такъ сказать, не существуютъ. они исчезаютъ изъ ихъ глазъ за ввѣренными имъ частями, которыя слишкомъ крупны, слишкомъ разбросаны, чтобы можно было вліять на нихъ тѣми приемами, что примѣнялись въ полку. Тамъ они могли распоряжаться и приказаніями, и уставными командами, т. е. такимъ выраженіемъ своей воли, которое непосредственно воспринимается каждымъ чиномъ части и вызываетъ механическое исполненіе, безъ всякихъ разсужденій и соображеній. Здѣсь распоряженія могутъ быть отдаваемы лишь въ видѣ приказаній, требующихъ отъ исполнителя работы ума. Для начальника крупнаго войскового соединенія труднѣе оріентироваться въ обстановкѣ на театрѣ войны и на полѣ сраженія, такъ какъ и то, и другое, по своей величинѣ недоступно его глазу; труднѣе дать надлежащія задачи отдѣльнымъ войсковымъ единицамъ, входящимъ въ составъ его части, труднѣе прослѣдить за исполненіемъ его приказаній. Какъ бы ни была развита его воля практикой командованія полкомъ и меньшими строевыми частями, какія практическія знанія и сноровки онъ ни вынесъ бы изъ нея, они ему не помогутъ въ разрѣшеніи задачъ, выпадающихъ на войнѣ на долю арміи, корпуса, дивизіи. Онъ долженъ обладать какими-то другими качествами, чѣмъ командиръ полка; способности его должны быть упражняемы въ направленіи, для котораго практика командованія полкомъ не представляетъ пужныхъ условій; словомъ, командованіе высшими войсковыми соединеніями отличается отъ командованія полкомъ не только величиною части, но и по самой сущности своей. Вотъ почему и «... военная исторія показываетъ, что очень немногіе начальники, бывшіе отличными полковыми командирами, были потомъ такими же начальниками дивизій, командирами корпусовъ, командующими арміями»⁵⁾. Отсюда слѣдуетъ, что въ смыслѣ подготовки къ командованію высшими войсковыми соединеніями командованіе полкомъ и меньшими частями имѣетъ сравнительно малое значеніе, нужно нѣчто совсѣмъ иное. Что же такое нужно?

⁵⁾ В. Б. «Характеръ, здорье, знаніе», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 250.

«Наполеонъ полагалъ, что военныя, общественныя и административныя дѣла требуютъ сильнаго напряженія ума, глубокаго анализа и способности, не утомляясь, продолжительное время сосредоточивать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ»... «Въ 1809 г. Наполеонъ говоритъ Редереру: «Я работаю безпрестанно и много размышляю. Если я способенъ на все дать отвѣтъ, быть ко всему готовымъ, то это благодаря лишь тому, что прежде, чѣмъ предпринять что-либо, я долго обдумываю и заранѣе предусматриваю всевозможныя случайности. Что я долженъ сказать и какъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, являющемся для другихъ неожиданнымъ, вовсе не подсказывается мнѣ внезапно и тайно геніемъ, а исключительно моею вдумчивостью и размышленіемъ» ⁶⁾).

Другой крупный военный дѣятель, стоящій ближе къ намъ и работавшій въ современныхъ условіяхъ веденія войны, Мольтке, отличался такими же качествами. Какъ извѣстно, онъ былъ скупъ на слова, молчаливъ, но постоянно размышлялъ надъ вопросами подготовки къ войнѣ. Его девизомъ было: «erst wägen, dann wagen», — «сперва взвѣсь, потомъ лѣзь». Свои записки съ планами войны онъ перерабатывалъ много разъ, стараясь напередъ учесть всякую случайность. Къ такой работѣ побуждалъ его выдающійся умъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе на М. И. Драгомирова, имѣвшаго случай присмотрѣться къ Мольтке въ кампанію 1866 г. «Мало случалось вообще встрѣчать такихъ даровитыхъ людей», говорилъ Михаилъ Ивановичъ. «Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума — яснаго, обширнаго, разносторонняго; этимъ изъ ряду выходящимъ умомъ онъ все порабощаетъ» ⁷⁾.

Старательные ученики нѣмцевъ, японцы вполне усвоили себѣ методы работы своихъ учителей и также сдѣлали своимъ девизомъ афоризмъ Мольтке: «сперва взвѣсь, потомъ лѣзь»; они до такой степени тщательно обдумывали всякое предстоявшее имъ дѣло, что если бы не проявленная ими въ безчисленныхъ случаяхъ безумная отвага, то можно бы было ихъ упрекнуть въ излишней осторожности. Въ дѣйствительности же именно ихъ стремленіе все предусмотрѣть, все впередъ рассчитать и обезпечило имъ успѣхъ въ

⁶⁾ Ген. Боньяль. «Военная психологія Наполеона», «Братская Помощь» 1909 г. № 2, стр. 46 и 54.

⁷⁾ Л. Е. К. «М. И. Драгомировъ во время Австро-прусской войны», «Русская Старина» 1910 г., октябрь, стр. 170.

войнѣ съ нами; ему они обязаны были какъ превосходнымъ знаніемъ противника, такъ и образцовой организаціей тыловыхъ учрежденій, позволявшей имъ удовлетворять всѣ даже самыя мелочныя потребности арміи. Каждая операція долго обдумывалась и рассчитывалась ими до мельчайшихъ деталей и лишь тогда, когда, по возможности, все было предусмотрено и подготовлено, начиналось энергичное выполненіе, пропикнутое безповоротной рѣшимостью довести дѣло до конца. Передъ Мукденомъ японскій главнокомандующій, маршалъ Ойяма, рассчиталъ все до продолжительности предстоявшаго боя включительно: это была работа главнокомандующаго, работа ума; но какъ только началась работа воли, энергіи, какъ только войска вступили въ бой, онъ счелъ свою задачу какъ бы законченной; по крайней мѣрѣ, во время самаго боя онъ оставался далеко позади арміи, раздѣляя свое время между перестановкой шашекъ на картѣ и прогулками ⁸⁾).

Еще интереснѣе примѣръ нашего родного героя, Скобелева. Въ началѣ своей боевой карьеры, въ Средней Азіи, когда онъ командовалъ небольшими частями, онъ дѣйствовалъ на подчиненныя ему войска преимущественно волевыми сторонами своей богато одаренной натуры. «...Беззавѣтно храбрый, всегда во главѣ тѣхъ небольшихъ конныхъ отрядовъ, которыми командовалъ, онъ тогда стремился къ схваткѣ съ противникомъ въ рукопашную. Не то было, когда онъ сталъ отвѣтственнымъ начальникомъ. Въ это время выдвинулись на первый планъ глубоко рассчитанныя соображенія и осторожность въ дѣйствіяхъ, соединенныя съ непреклонною рѣшимостью; личная же отвага казалась лишь способомъ къ поднятію почему-либо поколебленнаго нравственнаго духа войскъ... Изучая средне-азіатскіе походы Скобелева, а особенно его послѣднюю кампанію, ясно видимъ, что въ ней случайностямъ и риску отведено весьма мало мѣста; все основывалось на строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника» ⁹⁾. Въ этомъ даровитомъ чловѣкѣ, по мѣрѣ поступленія подъ его начальство все болѣе и болѣе крупныхъ частей, совершалась и своего рода духовная эволюція: выступали на первый планъ тѣ именно качества, которыхъ требуетъ командованіе крупными частями—сильный умъ, способность къ логическому, послѣдовательному мышленію, позволявшіе ему основывать всѣ свои

⁸⁾ «Жизнь японской главной квартиры во время Мукденскаго сраженія». «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 66.

⁹⁾ М. Полянскій. «Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ», Третья книжка Общества ревнителей военныхъ знаній за 1908 г.

дѣйствія на «строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника». Волевыя же свойства души его, которыми онъ такъ сильно умѣлъ вліять на психику подчиненныхъ ему войскъ, отходили постепенно на второй планъ и пускались имъ въ ходъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Итакъ, для такой работы, какъ работа современныхъ полководцевъ, Мольтке, Ойямы, Скобелева, дѣйствительно, нуженъ прежде всего сильный умъ, способный къ глубокому анализу и сосредоточенному вниманію на одномъ предметѣ; сила же воли въ ней играетъ до такой степени второстепенную роль, что проявленія ея зачастую ни въ чемъ даже нельзя замѣтить. Во всякомъ случаѣ командованіе мелкими частями до полка включительно врядъ ли играло сколько-нибудь значительную роль въ образованіи ихъ полководческихъ талантовъ: по крайней мѣрѣ, Мольтке выработался въ полководца, не прокомандовавъ въ своей жизни никакой частью.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что указаннымъ основнымъ требованіемъ отъ полководца — наличіемъ сильнаго ума, способнаго къ интенсивной работѣ и глубокому анализу, — должна вестись и подготовка полководца къ предстоящей ему дѣятельности на войнѣ. Въ чемъ она должна заключаться, всѣмъ хорошо извѣстно; тайну ея открыли намъ либо сами великіе полководцы, либо изслѣдователи ихъ дѣяній: это почти исключительно умственная работа, работа мысли. Наполеонъ рекомендуетъ для подготовки себя къ работѣ на войнѣ изучить 84 похода великихъ полководцевъ: Александра Македонскаго, Аннибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюрення, Евгенія Савойскаго, Фридриха Великаго. Этому рецепту слѣдовалъ и онъ самъ: такъ, нанримѣръ, въ 1786 г., получивъ шестимѣсячный отпускъ на островъ Корсику, «весь годъ, проведенный имъ на родинѣ, вслѣдствіе продленнаго ему на шесть мѣсяцевъ отпуска, онъ использовалъ на чтеніе классиковъ и новѣйшихъ писателей, читая ихъ притомъ очень внимательно съ перомъ въ рукѣ»¹⁰⁾. Книги, изъ которыхъ онъ въ это время почерпалъ ученія для себя, были Плутархъ, Платонъ, Цицеронъ, Корнелій Непотъ, Титъ Ливій, Тацитъ, Монтескье, Монтень, Рейналь.

Суворовъ, какъ извѣстно, былъ необычайно любознателенъ въ особенности во всемъ, что касалось военнаго дѣла: книги военнаго содержанія были его страстью. Онъ мало пользовался постороннею помощію при изученіи военнаго дѣла, а былъ самоучкою и все свое

¹⁰⁾ Ген. Бонналь. «Военная психологія Наполеона», «Братская Помощь» 1909 г. № 2.

обширное образованіе получилъ самъ, обладая ненасытной жаждой къ чтенію; на службѣ чуть не до послѣдняго дня жизни онъ постоянно пополнялъ свое многостороннее образованіе. То же самое онъ рекомендовалъ и своимъ подчиненнымъ: «начальникамъ всѣхъ степеней необходимо непрерывное образованіе себя наукою съ помощію чтеніевъ».

Другой нашъ военный геній, Скобелевъ, и во время своихъ походовъ находилъ время для чтенія, и въ его багажѣ всегда находилось мѣсто для запаса книгъ. Въ его приказахъ можно найти слова: «Всѣхъ офицеровъ прошу побольше читать, что до нашего дѣла относится».

Когда въ 1806 г. Иена доказала, что въ арміи не было ни главнокомандующаго, ни генераловъ, Пруссія, чтобы помочь этому дѣлу въ будущемъ, прибѣгла къ наукѣ: была основана военная академія съ цѣлью подготовить соответствующихъ своему назначенію высшихъ начальниковъ и офицеровъ, способныхъ быть ихъ помощниками. А о Мольтке бывшій начальникъ германскаго генеральнаго штаба, графъ Шлиффенъ, въ рѣчи, произнесенной по поводу столѣтняго юбилея берлинской военной академіи, говоритъ, между прочимъ: «. . . Мы можемъ почерпнуть изъ изученія исторіи оныть, котораго не даетъ намъ наше время.. Мольтке такъ и поступалъ. Его мысль заключалась въ томъ, чтобы постоянно извлекать изъ прошлаго поученія, которыя могли бы быть примѣнены къ настоящему и будущему; этой идеѣ онъ обязанъ своими успѣхами и славой. И если всѣ офицеры, допущенные слушателями въ военную академію, послѣдуютъ его примѣру, у насъ не будетъ недостатка ни въ высшихъ начальникахъ въ арміи, ни въ помощникахъ имъ» ¹¹⁾. И подобно Наполеону, утверждавшему, что не геній подсказываетъ ему принимаемыя имъ рѣшенія, а глубокія размышленія, которымъ онъ постоянно предается, Мольтке также отрицаетъ геній: «Для главнокомандующаго нуженъ въ настоящее время геній?... Нѣтъ, отвѣчаетъ Мольтке, геній—это трудъ!» ¹²⁾.

Для осуществленія этихъ идей о непрерывной подготовкѣ кандидатовъ на высшія командныя должности въ военно-научномъ отношеніи въ Германіи, гдѣ такими кандидатами являются почти исключительно офицеры генеральнаго штаба, практикуется систематическое прикомандированіе ихъ на разныхъ ступеняхъ ихъ

¹¹⁾ «Le centenaire de l'Academie de guerre de Berlin. Un discours du général comte Schlieffen», «Internazionale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Supplement 142. Janvier 1911, стр. 26.

¹²⁾ Тамъ же. Стр. 25.

служебной карьеры къ большому генеральному штабу на болѣе или менѣе продолжительное время для научныхъ занятій. Достаточно подробное описаніе этой системы дано въ моей статьѣ: «Генеральный штабъ въ теоріи и въ жизни» въ № 6 «Военнаго Сборника» за 1911 г., почему я и не буду здѣсь долѣе останавливаться на ней. Скажу только, что германскій офицеръ генеральнаго штаба, признаваемый годнымъ занять вполнѣ вѣдствіи высшую командную должность въ арміи, благодаря этой системѣ, все время подвергается воздѣйствію большого генеральнаго штаба въ смыслѣ выработки въ немъ строго научнаго мышленія въ вопросахъ военнаго дѣла.

Въ послѣдніе годы во Франціи думаютъ поднять уровень военно-научнаго образованія въ лицахъ высшаго команднаго состава арміи организаціей особыхъ высшихъ курсовъ, руководимыхъ начальникомъ генеральнаго штаба, для штабъ-офицеровъ съ цѣлью подготовить лучшихъ изъ ихъ числа къ широкой дѣятельности, ожидающей ихъ на высшихъ ступеняхъ командованія, путемъ преимущественно полевыхъ упражненій, во время которыхъ обсуждаются крупныя стратегическіе и тактическіе вопросы¹³⁾. Во всякомъ случаѣ и во Франціи необходимость серьезной и непрерывной военно-научной подготовки для высшаго команднаго состава арміи признается безусловно необходимой.

Итакъ, рецептъ для настоящаго подбора и подготовки высшаго команднаго состава арміи совершенно ясенъ: отбирайте среди офицеровъ людей сильнаго ума и научнаго склада мышленія, заставляйте ихъ постоянно учиться у великихъ полководцевъ какъ надо вести войну, и развивайте ихъ волю и практическія знанія командованіемъ строевыми частями: вы можете быть увѣрены, что изъ нихъ выйдутъ надежныя начальники, которые будутъ на высотѣ своей задачи какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время. Теперь понятно, почему именно генеральный штабъ долженъ быть и, дѣйствительно, является повсюду главнѣйшимъ поставщикомъ высшихъ начальствующихъ лицъ для арміи: въ него отбираются наиболѣе способные къ умственному труду офицеры, которые получаютъ въ академіи нужную военно-научную подготовку; а требуемые отъ нихъ командныя цензы имѣютъ назначеніемъ удовлетворить и третьему изъ вышеуказанныхъ условій. А разъ это такъ, разъ высшій командный составъ дается арміи ея генеральнымъ штабомъ, ясно, что между ними должна быть тѣсная зависимость:

¹³⁾ «Internazionale Revue über die gesamten Armeen und Flotten». Februar 1911, стр. 49—50. В. Б. «Дорогу строевымъ!», «Русскій Инвалидъ» 1910 г. № 240.

тамъ, гдѣ генеральный штабъ стоитъ на высотѣ своего назначенія, тамъ и высшіе начальники въ арміи будутъ соотвѣтствовать требованіямъ, которыя ставитъ имъ ихъ дѣятельность въ военное и мирное время; и наоборотъ, гдѣ плохъ генеральный штабъ, тамъ нельзя рассчитывать имѣть дѣльныхъ начальниковъ на высшихъ должностяхъ въ арміи.

Такимъ образомъ, казалось бы, что, когда рѣчь идетъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ кандидатамъ на высшія должности въ арміи, формулу Наполеона о равновѣсіи ума и характера не только нельзя видоизмѣнять въ пользу преимущественнаго значенія характера передъ умомъ, какъ то принято у насъ, а скорѣе, наоборотъ, слѣдуетъ отдать преимущество начальникамъ, обладающимъ сильнымъ умомъ хотя бы при болѣе слабомъ характерѣ. Вообще, относительно этой формулы, нужно замѣтить, что она точнѣе всего была приложима къ условіямъ Наполеоновскаго времени, когда арміи, хотя и были уже достаточно многочисленны, но еще не достигли современной чудовищной численности, а сравнительно слабое развитіе техники все же позволяло имъ сражаться на сравнительно небольшихъ поляхъ сраженій, гдѣ управленіе ими могло вестись непосредственно самимъ полководцемъ, хотя и требовало уже отъ него недожинныхъ дарованій. Она должна быть видоизмѣнена въ пользу волевыхъ качествъ — рѣшительности, мужества, храбрости, неустрашимости, увѣренности въ себѣ, презрѣнія къ смерти, — когда рѣчь идетъ о болѣе отдаленныхъ отъ насъ временахъ и о борьбѣ болѣе мелкихъ войсковыхъ единицъ. И, наоборотъ, въ наше время въ примѣненіи къ лицамъ, поставленнымъ во главѣ крупныхъ войсковыхъ частей, дивизій, корпусовъ, армій, располагающихъ могучими средствами современной техники и сражающихся на фронтѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ, формулу надо измѣнить въ смыслѣ преобладающаго для нихъ значенія сильного ума, способнаго къ правильному, логическому мышленію. Этимъ, можетъ быть, и объясняется тотъ многократно отмѣченный фактъ, что у насъ, вридающихъ въ начальникѣ преимущественное значеніе его волевымъ качествамъ, въ Манчжурскую кампанію низшій командный составъ арміи наравнѣ съ нижними чинами былъ выше всякой похвалы, тогда какъ высшія начальствующія лица почти безъ исключенія далеко не соотвѣтствовали той роли, которая выпала на ихъ долю, и почти сплошь оказывались несостоятельными.

Принятая у насъ въ послѣднее время практика назначенія на высшія должности по одному лишь наличію строевого, команднаго

ценза, ищущая въ кандидатѣ преимущественно волевыхъ качествъ, свидѣтельствуешь, что мы въ нашемъ пониманіи требованій отъ высшаго начальника отстали даже отъ Наполеоновскихъ временъ.

Нами далеко не усвоена истина, что «тѣмъ большими силами командуетъ начальникъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ дѣйствовать по шаблону, по уставу; доктрина, которая внизу выражается въ опредѣленномъ *способѣ дѣйствій*, наверху является лишь опредѣленнымъ *образомъ мысленія*» ¹⁴⁾). Непониманіе этого — величайшее зло, которое несомнѣнно принесетъ намъ горькія разочарованія въ нашемъ высшемъ командномъ составѣ, какъ въ его работѣ мирнаго времени, такъ въ особенности въ его дѣятельности на войнѣ.

Генеральный штабъ и высшій командный составъ — устои, на которыхъ зиждется все военное дѣло въ странѣ, вся подготовка арміи въ мирное время, вся ея дѣятельность на войнѣ; въ нихъ залогъ будущихъ побѣдъ или поражений. Поэтому цѣлесообразная организація генеральнаго штаба и надлежащій подборъ высшаго команднаго состава должны быть предметомъ особаго вниманія и заботливости въ дѣлѣ государственной обороны. Основныя требованія для комплектованія того и другого одни и тѣ же: въ нихъ надо отбирать людей съ сильнымъ умомъ и научнымъ складомъ мысленія и давать имъ широкую и основательную военно-научную подготовку на почвѣ изученія кампаній великихъ полководцевъ. Вслѣдствіе одинаковыхъ условій комплектованія, генеральный штабъ повсюду служить важнѣйшимъ источникомъ пополненія высшаго команднаго состава арміи, причѣмъ полезныя и для командованія крупными частями практическія познанія пріобрѣтаются офицерами генеральнаго штаба во время цензовыхъ командованій ротой, баталіономъ, полкомъ. Только при соблюденіи этихъ условій комплектованія, генеральный штабъ и высшій командный составъ могутъ быть на высотѣ своего назначенія.

У насъ въ настоящее время комплектованіе и того, и другого покоится на чисто внѣшнихъ условіяхъ, мало отвѣчающихъ этимъ требованіямъ: въ генеральный штабъ попадаютъ всѣ успѣшно кончившіе курсъ Императорской Николаевской военной академіи, т. е. имѣющіе извѣстный военно-образовательный цензъ, на высшія командныя должности — успѣшно отбывшіе извѣстные строевыя цензы. Никакихъ гарантій паличія сильнаго ума, способности научно, правильно мыслить и обширныхъ, глубокихъ познаній въ военной наукѣ у насъ не требуется, какъ будто каждый, прошед-

¹⁴⁾ «Жгучіе вопросы», «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 255.

шій курсъ академіи или откомандовавшей ротой и полкомъ, тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, что онъ достаточно уменъ и знающъ, чтобы командовать крупными войсковыми соединеніями въ мирное и военное время и успѣшно справляться, если потребуется, съ труднѣйшими задачами государственной обороны.

Такимъ образомъ, корнемъ зла во всемъ нашемъ военномъ дѣлѣ является наше неумѣнье мыслить правильно, научно, строго логически, принявшее тревожные размѣры за послѣднія десятилѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ вошло въ моду относиться съ пренебреженіемъ къ теоріи, къ чистой наукѣ. У насъ усиленно проповѣдуютъ, что «въ военномъ ремеслѣ дѣло выше слова, практика выше теоріи», что «для военачальника истинное знаніе составляетъ только увеличенное умѣнье» ¹⁵⁾ и т. п. Въ академіи и въ военныхъ училищахъ изъ программъ тщательно удаляются науки, неприложимыя непосредственно къ дѣлу (въ академіи, напримѣръ, астрономія), а выдвигаются на первый планъ практическія занятія въ ущербъ теоріи, которую, кажется, терпятъ только, какъ неизбежное зло. Въ генеральномъ штабѣ научный уровень съ каждымъ годомъ понижается все болѣе и болѣе. Уже въ эпоху японской войны «... въ самой сложной, въ самой, такъ сказать, деликатной отрасли военного дѣла, въ службѣ генеральнаго штаба мы оказались наиболѣе отставшими отъ современныхъ требованій» ¹⁶⁾. «Въ то время, когда японцы придерживались общихъ принциповъ, выработанныхъ во время войнъ первой революціи и Наполеона, русскіе относились къ нимъ съ пренебреженіемъ» ¹⁷⁾. То же продолжается и теперь. «За границей очень внимательно слѣдятъ за нашей арміей и признаютъ, что мы послѣ японской войны работали, многое сдѣлали, но преимущественно въ организаціонной и хозяйственной частяхъ, а въ самообразованіи (Intellect)—ничего. Такъ-таки и говорятъ: «nichts» ¹⁸⁾.

И дѣйствительно, какіе бы вопросы нашей подготовки по части генеральнаго штаба ни обсуждались, вы никогда не услышите ссылокъ на науку, на добытые ею принципы—все дѣлается «по соображенію», «по здравому смыслу». Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1912 г. № 72 г. А. Дмитревскій ужасается страстному походу про-

¹⁵⁾ К. Дуронъ. «Воспитаніе и обученіе въ военныхъ училищахъ». «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 88.

¹⁶⁾ Н. Новиковъ. «Культура и военное дѣло». «Вѣстникъ Европы» 1910 г. Сентябрь.

¹⁷⁾ Обзоръ печати. «Русскій Инвалидъ» 1911 г. № 72.

¹⁸⁾ «Опасное недомысліе». «Новое Время» 1912 г. № 12939.

тивъ единой военной доктрины. «Добро бы, говорить онъ, противъ данной доктрины, ошибочность которой можно доказать или цѣлесообразность которой можно оспаривать; по идти противъ какого бы то ни было ученія, науки, направленія—будь оно самымъ гениальнымъ, безспорно истиннымъ?! Развѣ не ужасна эта анархія мысли?»... Я знавалъ одного начальника штаба округа, который, не стѣсняясь, проповѣдывалъ, что никакой военной науки нѣтъ, а есть только военное искусство; такое profession de foi всегда мнѣ казалось особенно пикантнымъ въ устахъ именно начальника штаба округа, на которомъ лежитъ руководство службой, подготовкой и работами офицеровъ генеральнаго штаба, носителей и представителей научнаго элемента въ арміи. Отъ генеральнаго штаба все настойчивѣе требуютъ, чтобы онъ сталъ ближе къ войскамъ, чтобы офицеры генеральнаго штаба дольше служили въ строю, упуская изъ вида, что это поведетъ къ утратѣ ими и безъ того небогатаго научнаго ихъ багажа. Мы забыли, что война, по словамъ Фридриха Великаго, для талантливыхъ людей—наука, для посредственностей—искусство, для невѣждъ—ремесло, и не усвоили себѣ истины, что «знамя побѣды будетъ вѣчно развѣваться только въ той арміи, гдѣ офицеры постепенно и неуклонно воспитываются въ стремленіи сплотиться въ одну энергичную массу, развитую въ смыслѣ научномъ и стратегически-тактическомъ» (фельдмаршалъ Гессе). Нашъ девизъ: «прочь теорію и науку! ближе къ жизни и практикѣ!» его мы усиленно пропагандируемъ и проводимъ въ жизнь. Быть можетъ, тенденція, выражаемая имъ, и благодѣтельна для всей арміи въ массѣ; но для ея верхнихъ слоевъ, для генеральнаго штаба и высшаго команднаго состава, она безусловно ошибочна.

Неразвитость научнаго мышленія въ массѣ офицерства, въ высшемъ командномъ составѣ, въ генеральномъ штабѣ—это грозная болѣзнь «мозга арміи». Неужели же она окажется гибельной для насъ? Неужели же нѣтъ спасенія?

Э. К. Калнинъ.

